

Фаина Раневская

самые мудрые
ПРИТЧИ
И АФОРИЗМЫ
Фаины Раневской

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1 84
ББК 84(2Рос=Рус)6+94.8
С17

С17 **Самые мудрые притчи и афоризмы Фаины Раневской.** – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 192 с. – (Притчи и афоризмы).
ISBN 978-5-17-093922-0.

Изумительная актриса, афоризмы которой слышны и сегодня. Одна фраза способна задать тон всему дню! В этой книге собраны самые мудрые афоризмы и притчи, автор которых — Фаина Раневская. Ее высказывания наполнены не только глубоким смыслом, но и добрыми улыбками, особым очарованием и интеллигентностью.

УДК 821.161.1 84
ББК 84(2Рос=Рус)6+94.8

Настоящая фамилия Раневской — Фельдман. Она была из весьма состоятельной семьи. Когда Фаину Георгиевну попросили написать автобиографию, она начала так: «Я — дочь небогатого нефтепромышленника...» Дальше дело не пошло.

В архиве Раневской осталась такая запись:

«Пристают, просят писать, писать о себе. Отказываю. Писать о себе плохо — не хочется. Хорошо — неприлично. Значит, надо молчать. К тому же я опять стала делать ошибки, а это постыдно. Это как клоп на

манишке. Я знаю самое главное, я знаю, что надо отдавать, а не хватать. Так доживаю с этой отдачей. Воспоминания — это богатство старости».

В юности, после революции, Раневская очень бедствовала и в трудный момент обратилась за помощью к одному из приятелей своего отца.

Тот ей сказал:

— Дать дочери Фельдмана мало — я не могу. А много — у меня уже нет...

— Первый сезон в Крыму, я играю в пьесе Сумбатова Прелестницу, соблазняющую юного красавца. Действие происходит в горах Кавказа. Я стою на горе и говорю противно-нежным голосом: «Шаги мои легче пуха, я умею скользить, как змея...» После этих слов мне удалось свалить декорацию, изображавшую гору,

и больно ушибить партнера. В публике смех, партнер, стена, угрожает оторвать мне голову. Придя домой, я дала себе слово уйти со сцены.

— Белую лисицу, ставшую грязной, я самостоятельно выкрасила чернилами. Высушив, решила украсить ею туалет, набросив лису на шею. Платье на мне было розовое, с претензией на элегантность. Когда я начала кокетливо беседовать с партнером в комедии «Глухонемой» (партнером моим был актер Ечменев), он, увидев черную шею, чуть не потерял сознание. Лисица на мне непрерывно линяла. Публика веселилась при виде моей черной шеи, а с премьершей театра, сидевшей в ложе, бывшим моим педагогом, случилось нечто вроде истерики... (это была П.Л. Вульф). И это был второй повод для меня уйти со сцены.

— Знаете, — вспоминала через полвека Раневская, — когда я увидела этого лысого на броневике, то поняла: нас ждут большие неприятности.

О своей жизни Фаина Георгиевна говорила:

— Если бы я, уступая просьбам, стала писать о себе, это была бы жалобная книга — «Судьба — шлюха».

— В театре меня любили талантливые, бездарные ненавидели, шавки кусали и рвали на части.

Как я завидую безmozглым!

— Кто бы знал мое одиночество? Будь он проклят, этот самый талант, сделавший меня несчастной...

— Страшно грустна моя жизнь. А вы хотите, чтобы я воткнула в жопу куст сирени и делала перед вами стриптиз.

— Я — выкидыш Станиславского.

— Я провинциальная актриса. Где я только ни служила! Только в городе Вездесранске не служила!..

В свое время именно Эйзенштейн дал застенчивой, заикающейся дебютантке, только появившейся на «Мосфильме», совет, который оказал значительное влияние на ее жизнь. «Фаина, — сказал Эйзенштейн, — ты погибнешь, если не научишься требовать к себе внимания, заставляя людей подчиняться твоей воле. Ты погибнешь, и актриса из тебя не получится!»

Вскоре Раневская продемонстрировала наставнику, что кое-чему научилась. Узнав, что ее не утвердили

на роль в «Иване Грозном», она пришла в негодование и на чей-то вопрос о съемках этого фильма крикнула: «Лучше я буду продовать кожу с жопы, чем сниматься у Эйзенштейна!» Автору «Броненосца» незамедлительно донесли, и он отбил из Алма-Аты восторженную телеграмму: «Как идет продажа?»

Я социальная психопатка. Комсомолка с веслом. Вы меня можете пощупать в метро. Это я там стою, полусклоняясь, в купальной шапочке и медных трусиках, в которые все октябрята стремятся залезть. Я работаю в метро скульптурой. Меня отполировало такое количество лап, что даже великая проститутка Нана могла бы мне позавидовать.

— Я, в силу отпущенного мне дарования, пропищала как комар.

— Я жила со многими театрами, но так и не получила удовольствия.

Раневская вспоминала:

— Ахматова мне говорила: «Вы великая актриса». И тут же добавляла: «Ну да, я великая артистка, и поэтому я ничего не играю, меня надо сдать в музей. Я не великая артистка, а великая жопа».

Долгие годы Раневская жила в Москве в Старопименовском переулке. Ее комната в большой коммунальной квартире упиралась окном в стену соседнего дома и даже в светлое время суток освещалась электричеством. Приходящим к ней впервые Фаина Георгиевна говорила:

— Живу, как Диоген. Видите, днем с огнем!

Марии Мироновой она заявила:

— Это не комната. Это сущий колодец. Я чувствую себя ведром, которое туда опустили.

— Но ведь так нельзя жить, Фаина.

— А кто вам сказал, что это жизнь?

Миронова решительно направилась к окну. Подергала за ручку, остановилась. Окно упиралось в глухую стену.

— Господи! У вас даже окно не открывается...

— По барышне говядина, по дерьму черепок...

Эта жуткая комната с застекленным эркером была свидетельницей исторических диалогов и абсурдных сцен. Однажды ночью сюда позвонил Эйзенштейн. И без того неестественно высокий голос режиссера звучал с болезненной пронзительностью:

— Фаина! Послушай внимательно. Я только что из Кремля. Ты знаешь, что сказал о тебе Сталин?!

Это был один из тех знаменитых ночных просмотров, после которого «вождь народов» произнес короткий спич:

— Вот товарищ Жаров хороший актер, понаклеит усики, бакенбарды или нацепит бороду, и все равно сразу видно, что это Жаров. А вот Раневская ничего не наклеивает и все равно всегда разная...

— Как вы живете? — спросила как-то Ия Саввина Раневскую.

— Дома по мне ползают тараканы, как зрители по Генке Бортникову, — ответила Фаина Георгиевна.

— Фаина Георгиевна, как ваши дела?

— Вы знаете, милочка, что такое говно? Так оно по сравнению с моей жизнью — повидло.

— Как жизнь, Фаина Георгиевна?

— Я вам еще в прошлом году говорила, что говно. Но тогда это был марципанчик.

— Жизнь — это затажной прыжок из п...зды в могилу.

— Жизнь — это небольшая прогулка перед вечным сном.

— Жизнь проходит и не кланяется, как сердитая соседка.

— Бог мой, как прошмыгнула жизнь, я даже никогда не слышала, как поют соловьи.